

Города Пестрых Коров, которые не клонируются. К 110-летию последнего слова Заратустры

Архитектура и строительство №5 (216) 2010 г.
Игорь Морозов

Горе этому большому городу! –
И мне хотелось бы уже видеть огненный столб,
в котором сгорит он!

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

В последние свои годы Фридрих Ницше (1844–1900), самый, пожалуй, яркий проводник философии жизни, признавался душевнобольным. Хотя душа у него действительно болела давно, что нашло отражение в его главном персонаже – беспокойном и неудовлетворенном Заратустре, который и сегодня заставляет задуматься о превратностях и коллизиях общечеловеческой цивилизации (от лат. *civilis* – гражданский, городской), акцентируя проблемы и ее главного детища – Города.

Можно перефразировать знаменитое мнение относительно демократии: нет ничего хуже городов, но и лучшего пока не выдумало человечество. Впрочем, демократия также порождение города – древнегреческого полиса, колыбели всей культуры Запада, перманентно и настойчиво ищущей идеальный город. От “Атлантиды” Платона до “Утопии” Томаса Мора, “Города солнца” Кампанеллы... Их эстафету переняла индустриальная эпоха, вознамерившаяся реализовать мечту “совершенного города”, безоглядно уповая на рационально-функциональную парадигму. Но и здесь архитекторам приходится испытать горькую чашу разочарования, неприятного, но вынужденного признания: среда исковеркана реализованными градостроительными принципами, изранена непонятными и чуждыми архитектурными формами и своим угнетающим видом напоминает кладбище идей, воплощенных в бетоне и стекле. “Затопляет все возрастающая безобразность целого... Это и есть сфера господства крайнего хаоса; то отсутствие органически согласованной картины в целом” [1, с. 47]. Угрюмое безмолвие-безразличие распространяется на “огромные массивы новой среды человеческого обитания” [2, с. 165]. В мировых городах нет больше внутренней жизни, остались только психические процессы, провоцируемые механизмирующим интеллектом. “Наука и инженерия являются продуктом человеческого мозга, однако современная архитектура и современные города становятся все более бесчеловечными” [3, с. 383]. Отсюда отчаянные, почти панические откровения о том, что наши мегаполисы, наши космополитические города – своего рода абсцессы, оттягивающие возникновение более крупных нарывов. Архитектура-градостроительство производит одних только монстров – не с эстетической точки зрения (хотя, увы, и такое часто бывает), а в том отношении, что эти монстры свидетельствуют об утере городом целостности и органичности, о его дезинтеграции и дезорганизации...

“Когда строят образцовые города, создают образцовые функции, образцовые искусственные ансамбли, все остальное превращается как бы в остатки, в отбросы, в бесполезное наследие прошлого”. Современный город – “определенный универсальный процесс – процесс концентрации населения и увеличения производства отходов”, когда и самого человека “отправляют на помойку”. Иначе говоря, есть “материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах – это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций”. То есть в результате того, чем до сих пор упоенно живет урбанистика. Однако самое злокачественное явление – то, что мы сами становимся отбросами. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов – вот характерная черта общества, равнодушного к своим ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти. “По сравнению с этим горы органических промышленных отходов просто пустяк. Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого – на помойке истории”.

Так говорил Жан Бодрийяр, один из верных, как видится, последователей Заратустры. И сокрушался на город, что совсем, казалось бы, недавно воспет “праздником, который всегда с нами” (Э. Хемингуэй). Словом, на сам Париж, у которого “даже городские ансамбли, наделяемые символической значимостью (Бобур, Форум, Ля Дефанс, Ля Вильет), представляют из себя всего лишь псевдоцентры, вокруг которых образуется ложное движение”. Причем движение, которое, кажется, вышло из-под контроля и пошло вразнос. “Слишком много капиллярной диффузии, слишком много осмотического движения, слишком много перемещений, слишком много сообщающихся сосудов, сцеплений, взаимодействия”. Сцепления и взаимодействия эти в большей степени механические, запрограммированные и бесчувственные – касаются они машин или людей.

Вот только понять это горожанину – винтику набравшего опасные обороты механизма – не дано. Ибо страшно само признание своей никчемности вне этого механизма, меняющего одноразовых людей, как дешевые запчасти. Короче, он лишен выбора в этом осмотическом потоке, а значит, и свободы, о которой не только думать-мечтать перестал, но стал ее попросту бояться. Хроническая градогенная либерофобия.

Этот феномен мегалитической урбанистики объясняется прогрессирующей концентрацией, чреватой эффектом “критической массы”, что, как известно, взрывоопасно. Или

подобна черной дыре, аннигилирующей всяческое разнообразие и духовность. Эти сгустки диффузной концентрации неспроста привлекают и порождают маньяков и террористов – подсознательно они видят себя “чистильщиками” и оправдывают себя покушением разве что на “отбросы”. Днем с огнем надо искать здесь Человека, что становится проблемой даже для вездесущей и неуемной в размерах иконы нашего времени – рекламы – Гуманоидов-таблоидов (фото 1).

Этому споспешествует тотальное безразличие, чуждое психике вторичное состояние, “когда в атмосфере всеобщего безразличия каждый вращается на собственной орбите, словно спутник”. А моделью его “может послужить транспортная развязка: пути движения здесь никогда не пересекаются, вы больше ни с кем не встречаетесь, ибо у всех одно и то же направление движения” (Ж. Бодрийяр). Не такой ли город-монстр хотел увидеть в очистительном огне Заратустра? Ведь ему было с чем сравнивать, потому как он познал и с душевной тугой простился с городом, который “любило сердце его”, “город неспешных мудрецов, всматривающихся в собственное Само”. Вполне знаменательно и имя этого незабываемого для Заратустры города – “Пестрая Корова”. Вне его трудно найти Человека, следовательно, от отчаяния-тоски и “Бог умер” [5].

...В Индии до сих пор не умер ни один из неисчислимых богов и неустанно покровительствуют великой Культуре, которая цивилизованным пришельцам обыкновенно кажется нищенской, дикой. Еще бы – на равных правах свободных сограждан обезьяны, бурундуки, почитай все мелкорогатые и, конечно же, коровы, преспокойно гуляющие сами по себе. И легко уничтожающие бытовые отбросы – корм-пропитание для многоликих равноправных, хотя и бессловесных сограждан. Более того, вскорости превращающие их в экологически чистое топливо и удобрение, которое старательно собирают и здесь же, на городских стенах, ваяют-высушивают (фото 2). Вот только повсеместные отбросы агрессивной цивилизации: пластмасса, стекло, металл – им не по нутру и не по духу. Зато не стал отбросом Человек, если и бедный-нищий, то только не духом.

Ныне святость, в гордом смысле неприкасаемость коров, особо видится в их способности... регулировать движение по мудрым законам естества. Невозмутимо и неподкупно они не дают разогнаться в городе до опасных пределов (фото 3). Заставляют обращать внимание на всех участников движения. Приглашают остановиться для диалога даже посреди бурлящего жизнью потока, который поэтому броуновским, диффузным никак не назовешь. Словом, не смешиваются в толпу-кучу коровы, люди. Отсюда и ненависти нет. А столкновения – скорее повод к общению, где нет упрямых “быков” и просто невозможно миновать выразительные жизнелюбивые Самости и воистину неспешных мудрецов (фото 4,

5).

Проблема города, выходит, отнюдь не композиционная и не функциональная, но социальная, культурная, духовная. Если и системная, то синергетическая, самоопределяющаяся внутренней самодостаточной жизнью, не знающей “идеального”, поскольку неустанно движется, творит. Утопия (как “блаженное место”) утопична (как несбыточность, место, которого нет) уже потому, что она плод нашего размышления, поиска идеала, суть которого подспудно трансформируется, поддается критике, как только она обнаружена.

“Такова жизнь”, – как говорим мы.

“Се ля ви”, – как наверняка сказал бы Ле Корбюзье, будь реализован его некогда сенсационный и радикально многообещающий “план Вуазен” для Парижа, бесстрастно резавший его по живому во имя тогдашнего, машинизированного идеала (фото 6). Потому как наверняка понял бы он, что всякий город – живой организм и не может механически клонироваться, не учитывая уникальности его исторической и культурной Самости. Дабы попросту не исчезла сама Жизнь, жидущаяся на здоровой конкуренции разнообразия. Вот почему и реализованная парафраза “Вуазена” – Чиндигарх – так и не стал для Индии

безупречным образцом, разве что напоминанием об утопичности “лучезарных городов” и бесполезности “своего устава” в “чужом монастыре”.

Так же как древний Гвальор – “город победы”, который создали торжествующие пришельцы-властители Индии в качестве своей новой столицы-цитадели. Образцово выстроенный на века, он через несколько десятилетий был оставлен-брошен его обитателями, став городом-призраком, “Мертвым городом”, где, неспешно мудрствуя, встречаются лишь туристы. И ни одной коровы (фото 7). И как бы в пику ему, нормированный лишь традиционной жизнью город,

выйдя за его утопические застенки, уже столетия продолжает самобытно жить в вольном пространстве-времени (фото 8).

То, что Жизнь не подвластна насилию и даже экспериментированию, признали и Нимейер с Костой после провала их вдохновенной попытки создать с нуля, как оазис всеобщего благополучия и справедливости, новую идеальную столицу Бразилии. Жизнь буквально учит, что абсолют, идеал не в статике, но в динамике. А универсальность универсальна в своей непредсказуемой изменчивости, для которой даже самые, казалось бы, вымеренные, прогрессивные и поэтому долгосрочные проекты на поверку оказываются коварными, как прокрустово ложе, или бесполезными и даже смешными, как седло для коровы.

Не зря же члены Общественной палаты России посчитали свежеепеченный проект Генерального плана развития Москвы до 2025 года “смертным приговором” столице. И потребовали отсрочки в его утверждении и проведения общественной независимой и профессиональной экспертизы. Главный градостроительный документ развития Москвы предполагает разделение столицы на пресловутые зоны. В зонах стабилизации должны проводиться только капремонт и благоустройство территории, а в зонах реорганизации – снос, реконструкция и новое строительство...

Все это – рудименты тотального планирования, когда “совершенство” считалось кодексом всего жизнестроительства. Инерция сознания-создания “образцового коммунистического (утопического, то есть) города”. Ибо утопии всех времен – непременно жестко структурированные острова-остроги, провозглашающие свою отстраненность от существующего, заведомо несовершенного “так есть” к неведомому, но волюнтаристски предуказанному “так должно быть”. Проблема отнюдь не только сугубо зодческая, но и политико-идеологическая. Не зря же верховные чины не прочь называться главными архитекторами “городов будущего”. Если и не идеальных, то уж наилучших. Но это обещаемое “наилучшее” рождено в умах-моделях сегодняшних, если вообще не вчерашних. Поэтому, как ни странно, всякая подобная модель означает как бы консервацию времени, что само по себе невозможно, как невозможна временная локализация человеческого идеала, всегда подвижно-относительного, живого. Ведь Жизнь развивается именно во времени и снисходительна к пространству. Ни одна утопия-остров, в принципе, “не желает расширять своих пределов” (Т. Мор), но претендует на абсолютность, то есть временный беспредел. В нем-то все они безжалостно и утопают. Поэтому ни многотомные генпланы, ни мнения-директивы амбициозных чиновников и заключения многоэтажных институтов не должны становиться “священной коровой”, неприкасаемой раз и навсегда. И пусть нас не зомбируют статистические выкладки, всегда заведомо поверхностные, фрагментарные и, по сути, устаревшие. Это поможет нам не страдать мессианством и утопизмом, а значит, отказаться от планирования как такового, от тотального и долговременного, по крайней мере. Мы предполагаем, но располагает, как говорится, Бог, который, слава ему, не умер. Пригорюнился, призадумался разве что. Ведь сам-то он творил мир не по заранее утвержденному генплану, но постепенно, День за

Днем, только убедившись относительно сделанного, “что это хорошо”. Может, поэтому он так и не стал утопистом, не создал Города, удовлетворенно остановившись на Эдеме. Стал не претенциозным градостроителем, но заботливым садовником-экологом. Да и людей создавал по своему “образу и подобию”, но не клонировал же.

...Все больше вполне состоятельных москвичей переезжает в “деревню, в глушь, в Саратов” и в Индию – за “неспешной мудростью”. Один из показателей того, что наша урбанистика должна взамен функционалистской парадигмы обрести-возвратиться к новой-былой, экологической (от греч. oikos – дом, жилище, местопребывание). Причем во всех смыслах – биологическом, художественном, нравственном. Отсюда и для этого зачинается “тонкая градостроительная работа для конкретного места” (Ч. Дженкс) во имя “устойчивых связей людей с местом” (К. Линч), связей не прямолинейных и мест самых разнообразных. “Хорошим местом” подобает признать только то, которое соответствует данной культуре, способствует личности осознать свою многообразную уникальность, самодостаточность в органичной, экологически и психологически полноценной среде [4]. Поэтому и замечательный труд К. Линча – “A theory of Good City Form” – хорошо бы вспомнить-переиздать. Вот только не под прежним названием – “Совершенная форма в градостроительстве”. Поскольку в ней речь идет все-таки не об absolut, ideal – совершенной форме, а о good – хорошей форме, добропорядочной, добродетельной, достойной, во всех отношениях доброй, благодатной. В тектоническом отношении – децентрической, полифокусной, динамичной, с обилием выразительных трансформаций. Короче говоря, антиутопичной. Причем все-таки не столько формой, сколько феноменальной материально-духовной пространственно-временной экзистенцией.

...Итак, вовсе не смущает, скорее, радуется, что проекты минского генплана так быстро устаревают и часто корректируются вопреки кропотливо выстроенным прогнозам. Именно это делает любую ошибку легко исправимой, а рану небольшой, несмертельной, позволяя городу оставаться антиутопичным, молодым, жизнеспособным, уникальным. Не инвалидом с полигона ретивых реформаторов-экстремистов, но молодец из творческой мастерской, обители “неспешных мудрецов”. Не подстраивающим под себя Жизнь, но чутко внимательным к ее чаяниям. Из этого принципа, может, стоит даже отказаться от консервативного понятия “город-спутник”, от которого веет холодом полностью запрограммированной машины с жестко заданной орбитой. Может, “город-попутчик”? Причем не в смысле совместно безопасного преодоления всяческих “транспортных развязок”, а в качестве общительного и заинтересованного сподвижника.

...Так что, встречая еще-уже в Минске пятнистых коров, фактически гуляющих сами по себе, особенно на фоне знаковых новостроек, хочется верить, что они не из прошлого, но из будущего любимого города (фото 9). Пусть даже и будут те “коровы” аллегорическими.

Интересно, как на этот счет сказал бы Заратустра?..

P.S. “Сильная надежда есть гораздо больший жизненный стимул, чем какое бы то ни было действительно наступившее счастье” (Ф. Ницше).

Литература

1. Тасалов, В.И. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. – М.: Наука, 1979. – 335 с.
2. Иконников, А.В. Художественный язык архитектуры. – М.: Искусство, 1985. – 228 с.
3. Фремптон, К. Современная архитектура. Критический взгляд на историю развития. – М.: Стройиздат, 1990. – 388 с.

4. Линч, К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1986. – 264 с.
5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Изд. МГУ, 1990. – 303 с.
6. Бодрийяр, Ж. Город и ненависть. – Лекция, прочитанная в Москве во Французском университетском колледже при МГУ им. М.В. Ломоносова.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ